

Елена Арсеньева

Любезная сестрица (Великая княжна Екатерина Павловна)

*Часть сборника
Королева эпатажа (сборник)*

Королева эпатажа

Елена Арсеньева

**Любезная сестрица (Великая
княжна Екатерина Павловна)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Любезная сестрица (Великая княжна Екатерина Павловна) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Королева эпатажа)

ISBN 5-699-14364-5

«— Уродина... какая же она уродина! — раздался шепоток, напоенный такой злостью и ненавистью, что императрица с трудом удержалась, чтобы не обернуться и не посмотреть, кто это там шипит по-змеиному. Но это неосторожное движение монаршей головы, сделанное в соборе во время венчания цесаревича Александра, привлекло бы всеобщее внимание. Поэтому императрица лишь чуть-чуть повернула голову, скосила глаза — и поймала испуганный взгляд невестки. Великая княгиня Марья Федоровна растерянно хлопнула ресницами, лицо у нее было испуганное. Поняла, что императрица слышала шепот, но не была уверена, узнала ли та голос своей внучки — а ее, великой княгини, дочери — Екатерины, названной так по воле самой императрицы и в ее честь...»

ISBN 5-699-14364-5

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Елена Арсеньева

Любезная сестрица

(Великая княжна Екатерина Павловна)

– Уродина... какая же она уродина! – раздался шепоток, напоенный такой злостью и ненавистью, что императрица с трудом удержалась, чтобы не обернуться и не посмотреть, кто это там шипит по-змеиному. Но это неосторожное движение монаршей головы, сделанное в соборе во время венчания цесаревича Александра, привлекло бы всеобщее внимание. Поэтому императрица лишь чуть-чуть повернула голову, скосила глаза – и поймала испуганный взгляд невестки. Великая княгиня Марья Федоровна растерянно хлопнула ресницами, лицо у нее было испуганное. Поняла, что императрица слышала шепот, но не была уверена, узнала ли та голос своей внучки – а ее, великой княгини, дочери – Екатерины, названной так по воле самой императрицы и в ее честь.

А то как же! Разумеется, узнала! И поняла причину лютой ненависти, в сем детском голоске прозвучавшей.

Сколько сейчас Катрин? Пять лет? Рано начинает... Та, которую она честит уродиной, принцесса Луиза-Августа Баденская, нареченная в православии Елизаветой Алексеевной и ставшая ныне женой старшего царевича, Александра Павловича, хороша даже не человеческой – воистину ангельской красотой. С этим согласны все единодушно, и те, кто браком Александра доволен, и те, кто считает, что ему еще рано жениться. Одна малышка Катрин не может простить приезжей красавице, что та отнимает у нее любимого брата. Мала, да шустра не по летам, императрица всегда говорила, что с ней надобно ухо остро держать. Пока Катрин еще не вышла из детской, ее еще не начала муштровать бесценная баронесса Шарлота Карловна Ливен, чьи наставления сопровождали всех детей наследника Павла Петровича чуть не с колыбели. А пора, пора уже начинать, девчонка ничуть не похожа на своих податливых, мягких сестричек. Гораздо больше она напоминает второго внука императрицы, великого князя Константина. Вот разве что он с младенчества был собой нехорош, а Катрин – прелестный чертенок.

Вот именно! Она – чертенок, Елизавета – ангел... Не приведи Бог им столкнуться на узкой дорожке, потому что, увы, мягкость и доброта ангела будут ему плохой защитой от воинственного, дерзкого чертенка.

«Ладно, как-нибудь обойдется», – с надеждой вздохнула императрица, следя за обрядом венчания. Александр сам виноват, избаловал хорошенькую девочку, явно выделяя ее среди других сестер, вот она и возомнила, что ей все дозволено. Теперь у него, у человека женатого, не будет больше времени таскать на руках сестрицу. Пусть лучше свою Елизавету носит, вон у нее какие крошечные ножки, небось быстро устают. А Катрин крепка, словно не императорское, а крестьянское дитя, и точно так же бойка на язык. Пожалуй, можно разрешить баронессе Ливен применить и розги в крайнем случае...

Поможет или нет? Ведь Катрин такая своевольница с рождения! Вернее, была такой еще до своего появления на свет: ни одного из своих многочисленных детей – четырех сыновей и шести дочерей (одна из них, Ольга, умерла младенцем) – Марья Федоровна не вынашивала так трудно и мучительно, как эту девочку. Ее мучила страшная тошнота все девять месяцев, и это изумляло даже выдавших виды повитух. Известно ведь, что после первых трех месяцев беременных женщин не тошнит. Лекарь-акушер бодрился, но Екатерина прекрасно видела, как и он боится предстоящих родов. И решила на всякий случай сама присматривать за их течением.

Правильно сделала! Иначе этим страхом да чрезмерной почтительностью ее невестку-страдалицу вовсе уморили бы до смерти собравшиеся вокруг ее ложа медицинские светила да повитухи. Только и знали, что кланялись да бормотали:

– Осмелюсь спросить, как себя чувствует ваше императорское высочество... А не соблаговолите ли потужиться, ваше императорское высочество...

Между тем оное высочество уже готовилось испустить дух, вот до чего дошло дело. И кабы не решительность императрицы...

С чувством исполненного долга Екатерина писала вечером того же дня, 19 мая 1788 года, милому другу Потемкину-Таврическому:

«Жизнь матери была два с половиной часа в немалой опасности от единого ласкательства и трусости окружающих ее врачей; и, видя сие, ко времени кстати удалось мне дать добрый совет, чем дело благополучно и кончилось». Маленькая принцесса появилась на свет в результате кесарева сечения – «вылупилась», как выражалась императрица. Поскольку, едва разродившись, Марья Федоровна залилась слезами: она ждала сына, сына, сына, а тут снова девочка, императрица взяла малышку под свое покровительство и велела наречь ее Екатериною – в честь нее самой. Да еще и присовокупила:

– Что проку в мальчишках? Они только на то и годятся, что делать детей своим женам. Мужской пол – еще не условие ума и удачливости. Посмотри на меня – я женщина, но император в России не какой-то там мужчина, а я именно я! – Екатерина частенько называла себя императором, а не императрицей. Ну а «какой-то там мужчина» – это, понятное дело, подразумевался ее сын Павел, которого она на дух не выносила. – Наша маленькая Катрин в свое время тоже взойдет на трон, и еще неизвестно, кто будет властвовать, она или ее супруг!

Говоря так, Екатерина Алексеевна имела в виду, что всякая особа из российского царского дома непременно выйдет замуж за какого-нибудь короля или принца, однако, чуть только Катрин подросла и начала понимать частенько повторяемые и пересказываемые ей бабушкины слова, она принялась придавать им совершенно другое значение. Она видела себя не на каком-нибудь троне вообще, а именно на русском!

Разумеется, об этих детских бреднях никто поначалу не подозревал. Императрица несколько даже разочаровалась в ней и описывала ее барону Гримму, своему постоянному корреспонденту с ноткой пренебрежения: «О ней еще нечего сказать, она слишком мала и далеко не та, что были братья и сестры в ее лета. Она толста, бела, глазки у нее хорошенькие, и сидит она целый день в углу со своими игрушками, болтает без умолку, но не говорит ничего, что было бы достойно внимания».

Впрочем, именно этой замкнутостью и тихостью нрава и понравилась двухлетняя сестричка старшему брату Александру, который был старше ее на десять с половиной лет. Сам он был склонен к задумчивости, тишине и созерцательности, переизбыточное оживление большого семейства немало раздражало его, оттого среди всех прочих братьев и сестер он и предпочитал Катрин. И стоило ей ощутить это ласковое внимание брата (мужское внимание – как определяла для себя императрица, прекрасно знавшая, что у любви нет возраста, так же, как слов «уже поздно» или «еще рано»), как она мигом перестала быть «белой и толстой», перестала сидеть в углу с игрушками, а принялась кругом бегать за братом, и оторвать ее от Александра было совершенно невозможно. Причем чем дольше, тем меньше бескорыстного, невинного восхищения светилось в ее ярких, темных, больших глазах, а тем больше можно было увидеть в них ревности собственницы, никому не желающей уступать любимую игрушку.

Появление при дворе принцесс Баденских, предназначенных в жены Александру и Константину, пробудило в девочке истинного бесенка. Нет, не шаловливого бесенка, а вполне взрослого и очень опасного беса! На Фредерику-Доротею, которой предстояло быть окрещенной именем Анна и сделаться женой Константина, она смотрела презрительно, а на прелестную Луизу – с откровенной ненавистью, высмеивала каждый ее шаг, каждое слово, а ее естествен-

ные неловкость и застенчивость, которые были и впрямь очень трогательны и умиляли всех остальных, вызывали у малышки приступы грубого смеха. При этом она оказалась достаточно умна (а вернее всего, хитра), чтобы не буйствовать принародно, понимая или чувствуя, что этим восстановит против себя Александра, который очаровался невестой с первого взгляда. Катрин паясничала и скоморошничала, только если была убеждена, что ни няньки, ни воспитательницы ее не видят, и с ее легкой руки остальные принцессы относились к Елизавете насмешливо и пренебрежительно. Первый раз выдала себя Катрин во время венчания брата. И тогда же императрица впервые задумалась, что эта девчонка еще задаст им всем жару, если вовремя ее не окоротить.

Впрочем, Екатерине Алексеевне было не до глупеньких девочек. Куда сильнее мучила ее страсть, которую вызвала нежная красота Елизаветы в обожаемом Платоне Зубове, тревожила собственная неумолимо надвигающаяся старость, приметы которой все меньше поддавались притираниям, румянам, помадам и мушкам, беспокоили причуды сына и наследника, которому предстояло оставить и власть, и трон, и Россию, а нельзя, никак нельзя было делать этого... Вот если бы Александр, любимый внук, был ее наследником, императрица спокойно глядела бы в глаза неминуемой кончине.

Эта мысль все чаще приходила в голову государыне, и она не делала из своих размышлений тайны. Втихомолку ту мысль обсуждали везде, во всех дворцовых закоулках, и даже младшие дети уже были в курсе волнующих разговоров. Ничего пока не знал только Павел...

Разумеется, и Катрин внимала слухам всей душой. Она росла, она взрослела, она умнела – и становилась более хитрой, более изощренной интриганкой, чем все прочие, вместе взятые.

Обожаемый брат может сделаться императором, это хорошо, это прекрасно. Однако рядом с ним на трон воссядет эта дура, эта уродина, эта белая мышь! Да разве она достойна зваться императрицей? Ей место в каком-нибудь подвале. Вместе с Александром править достойна Катрин! В конце концов, истории известны примеры, когда брат и сестра делили власть. Взять хотя бы царевну Софью и царя Петра. Правда, они ненавидели друг друга, так что этот пример Катрин признала неудачным. А вот если вспомнить Калигулу и его сестру Друзиллу, то это как раз тот пример родственной любви, который вполне подходил.

Хотя, если Катрин правильно понимала некоторые недомолвки учителей и книг, любовь между Калигулой и Друзиллой была не вполне родственной, напоминала любовь мужа и жены. Хорошо им, язычникам, жилось! А православная церковь не позволяет брак между братом и сестрой. К тому же Александр уже и женат. Значит, думала Катрин холодно, надо привязать его к себе узами другой любви, не супружеской, но не менее сильной. Все вокруг считают ее еще ребенком, но ей уже тринадцать, и она чувствует себя вполне зрелой женщиной. Зрелой – и красивой. Зеркало не врет. Не врут и восхищенные взгляды молодых офицеров, которые Катрин видит. Да и Александр с восторгом смотрит на нее своими голубыми глазами, красивее которых Катрин в жизни не видела! И вообще, он самый красивый мужчина на свете. Брат должен принадлежать ей, принадлежать всецело. Только сначала нужно убрать с пути Елизавету...

Сердцем и страстями взрослая женщина, разумом и жизненным опытом она была еще дитя, а значит, не могла проникнуть в суть натуры своего богоподобного брата. Катрин была убеждена, что он любит ее... Ну да, он любил, но не только ее, он любил женщин вообще, он желал их всех, но отношения его с женщинами, за небольшими, очень небольшими исключениями, можно называть всего лишь «платоническим кокетничаньем», как выражались знатоки человеческой природы. Красавец, с малых лет окруженный женским обожанием, властный не только над жизнью и смертью, но и над сердцами, знающий, что может взять любую, прирожденный охотник, которому ни разу не понадобилось даже ружья зарядить – дичь сама падала в его ягдташ, – он не ведал страсти, потому что страсть – это страх потерять любимое существо. Он не знал потерь, был уверен в собственной неотразимости и в глубине души презирал женщин за то, что они так увиваются вокруг него.

«А если бы я не был царем?» – вот вопрос, который терзал его беспрестанно. Он не верил в искренность других людей, потому что сам был лжив.

Катрин взялась играть с противником, которого невозможно победить. Ведь победа предполагает слабости врага, которыми можно воспользоваться. А у Александра не могло быть слабостей – он был бездушен. Точно так же, как и Катрин. Но она-то, глупенькая, примитивная и алчная, думала, что вся беда – только в его жене, Елизавете!

Она была приметлива, обожала высматривать и подслушивать. Ее обуревала безумная жажда знать про всех все. Она чувствовала себя полководцем на войне: кто владеет сведениями о противнике, о его сильных и слабых сторонах, тот и победит.

Катрин подкупала слуг и горничных, секретничала с лакеями и бросала многозначительные взгляды на молодых грумов, которые сопровождали в поездках Елизавету и ее любимую фрейлину Варвару Головину... Она шпионила не только за Елизаветой, но и за черноглазым красавцем-поляком Адамом Чарторыйским, сыном генерального старосты Подолии Адама-Казимира. Имения Чарторыйских были конфискованы, когда Суворов вошел в Польшу, а сыновья старосты, Адам и Константин, прибыли в Петербург не столько в качестве гостей, сколько как заложники. Императрица Екатерина Алексеевна хотела покорить старосту Подолии, обласкав его сыновей, которые получили звание камер-юнкеров. Адам вскоре стал ближайшим другом Александра и страдал от любви к Елизавете.

Катрин ужасно хотелось сообщить брату, что его жена не оставила внимание Адама без ответа, надеялась, что этим она разобьет его сердце и он выгонит Елизавету вон. Однако внезапно обнаружила удивительную вещь: такое впечатление, что Александр ничего не имел против измены жены! Кажется, он и сам был некоторым образом влюблен в Адама, а потому просто не мог отказать ему ни в чем, вплоть до того, чтобы поделиться своей женой. Чудилось, он сам подталкивает Елизавету в объятия Адама! Сколько раз Катрин могла наблюдать, как Александр оставляет их наедине, а потом, вернувшись чуть ли не среди ночи, бранит Елизавету за то, что та неприветлива с его лучшим другом.

Да ведь он только обрадуется, если Елизавета изменит, догадалась Катрин. Тогда он с чистой совестью сможет утешаться с распрекрасной Марией Святополк-Четвертинской, дочерью польского князя, казненного шляхтой за то, что был предан России. Его дочери Мария и Жанетта остались без всяких средств к существованию. Императрица Екатерина отдала приказ привезти их в Россию и приютить при дворе. Александр откровенно потерял из-за Марии голову.

Очень странно: к ней Катрин не ревновала. Мария всегда останется всего лишь любовницей, а не женой. Любовниц у Александра будет еще множество, к этому нужно относиться философски, как относится мать, великая княгиня Марья Федоровна, к Нелидовой и Лопухиной, отцовским фавориткам. Опасность в глазах Катрин представляли только узаконенные, благословленные церковью отношения. Только такие отношения давали женщине право не просто предаваться с императором радостям любви (подумаешь, для этого всегда можно найти другого мужчину, не обязательно мужа), но властвовать рядом с ним. Или вместо него, что умудрилась в свое время проделать бабушка Екатерина...

Пока же необходимо усугубить отвращение любимого брата к жене. Катрин высматривала-высматривала, вынюхивала-вынюхивала... и вдруг наткнулась на нечто вопиющее, невероятное: оказывается, фрейлина Елизаветы Варвара Васильевна Головина не просто так предана ей, не просто претендует на ее дружбу. Она самым настоящим образом влюблена в Елизавету! Эти взгляды, это нежное воркованье, эти томные улыбки, эти беспрестанные поцелуи то ручки, то плечика... Обнаженного, заметим, плечика...

– Ты слышал о Сафо? – спросила она Александра как бы между прочим, улучив минутку и застав брата одного. – Правда, мадам Головина на нее чем-то похожа?

Вопрос бы задан в самую что ни на есть удачную минуту: Варвара Васильевна как раз хлопотала над косыночкой, прикрывавшей белые плечики Елизаветы от ярких солнечных лучей, и руки ее так и порхали над плечами и грудью жены Александра, так и порхали...

Если Александр спокойно относился к утверждению, что дружба между мужчинами может перейти даже в любовь, как доказывают многочисленные античные примеры, то при виде разнеженных глаз жены, томно взирающих на Головину, он ощутил ужасное отвращение, в котором без следа утонула вся та нежность, которую он некогда испытывал к Елизавете.

Графиня Головина была немедленно удалена от двора. А Александр принялся издевательски, методично сводить Елизавету с Адамом Чарторыйским.

Катрин довольно улыбалась. Дело сделано. Елизавета уже на полпути к изгнанию. Теперь следует поработать над родителями. Сообщить им, что их невестка – распутница.

И тут произошло два события.

Умерла императрица. На престол взошел отец, который теперь именовался его величество Павел I. Катрин чувствовала себя так, будто она бежала-бежала – и с разгону врезалась в стену. Значит, у Александра нет никаких шансов оказаться на престоле, а у нее – сесть там рядом с ним? Разве что отец умрет... Или, к примеру, его убьют какие-нибудь злодеи-заговорщики...

А почему бы и нет? В истории сколько угодно примеров, когда тирана убивали. А то, что отец был тираном, знали все. Значит, стоит подождать, пока трон снова освободится.

Для Александра и Катрин!

Второе событие сначала занимало ее ничуть не меньше.

Елизавета заболела. «Может быть, умрет?» – с надеждой подумала Катрин.

Ничуть не бывало! Оказалось: она беременна.

От кого? Катрин чуть голову не сломала над этим вопросом – от мужа или от любовника? Как поведет себя брат?

Александр вел себя, словно был счастливейшим из отцов, ожидающим вполне законного прибавления семейства.

Родилась девчонка. Ну, разумеется! Кого еще может произвести на свет эта белая баденская мышь? Вот если бы Катрин... О, она рожала бы только сыновей, тут нет никакого сомнения!

С малявкой все носились, как с писаной торбой. Пушки стреляли, проводились парады, устраивались балы. Точно такая же суматоха воцарялась, помнила Катрин, когда рожала маменька. Но ведь ее братья и сестры были императорскими детьми, появление на свет которых стоит отмечать пышно. А эта... тщедушная, чернявенькая какая-то...

Чернявенькая? Но ведь и Александр, и Елизавета белокуры и голубоглазы! В кого же она такая чернявенькая?

Понятно, в кого! Значит, Александр просто-напросто проявляет дурацкое благородство! Это не его ребенок!

У Катрин сразу отлегло от сердца. И она чуть ли не вприпрыжку помчалась к маменьке, чтобы с самым невинным видом удивиться, отчего это младенец родился с черными глазками и черными волосиками. Или, может быть, волосы посветлеют, а глазки изменят цвет?

У маменьки у самой глазки изменили цвет от ужаса, и Катрин поняла, что императрица (как всегда, впрочем) ничего не видела дальше своего носа. Она не удостоила дочь ответом, подхватила юбки и понеслась к мужу.

Результатом сего явился вопрос, который император Павел задал статс-даме баронессе Ливен:

– Сударыня, возможно ли, чтобы у мужа-блондина и жены-блондинки родился черненький младенец?

Шарлотта Карловна и бровью не повела:

– Государь! Бог всемогущ!

Однако император, такое впечатление, во всемогущество Божье не слишком поверил. Адам Чарторыйский был немедленно послан министром, то есть посланником, к королю Сардинии – строго говоря, в неизвестном направлении, потому что короля Сардинии французы из его королевства изгнали, и трудно было даже вообразить, где его теперь искать, это раз. А во-вторых, русский министр – последнее, в чем сейчас испытывал нужду вышеназванный король.

Елизавета осталась в России... Правда, маменька-императрица смотрела на нее с вызывающим отвращением, вся почта невестки перлюстрировалась, император делал вид, что ее вовсе не замечает, а муж все время проводил с Марьей Нарышкиной. Но Елизавету не выслали из России!

Катрин от злости пообгрызла все ногти, получив за это ужасный нагоняй от унылой старухи фон Ливен, и принялась размышлять над тем, как все же подобраться ей к трону. И вдруг... Вдруг случилось истинное чудо!

В Петербург был привезен из Вюртемберга принц Евгений, племянник Марьи Федоровны. Ему было тринадцать лет, и, приглашая его в Россию, Павел сначала хотел всего лишь сделать любезность жене. Однако постепенно намерения его переменились.

Самому Евгению родство с русским императором, помешанным на старопрусской военной системе Фридриха II, приносило пока только одни неприятности. С туго заплетенной по моде того времени косой, круто завитыми локонами, запрятанными под неудобную шляпу, закованный в зеленый кафтан, узкий желтый жилет, такие же панталоны и зеленые сапоги с золотыми шпорами, он чувствовал себя несчастным из-за того, что лишен всех развлечений своего возраста, и недолюбливал венценосного родственника. В Петербурге самым впечатляющим оказался для Евгения мучительный подъем по слишком крутой лестнице Михайловского замка – ботфорты были непомерно высоки и мешали сгибать ноги.

И вот он оказался перед лицом императора... Воспитатель принца Дибич дал ему строгое наставление – преклонить одно колено пред русским царем, однако из-за жестких и высоких голенищ ботфортов это никак не удавалось сделать. Внезапно, пытаясь согнуть голенище, принц потерял равновесие и рухнул на оба колена. Император был, видимо, тронут стараниями неуклюжего толстого мальчика. Он поднял Евгения обеими руками, опустил на стул и приветливо разговорился с ним. Евгений скоро освоился и болтал безудержно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.